

Комиссия по социальным
и культурным проблемам
глобализации

Научный совет «История
мировой культуры» при
Президиуме Российской
Академии Наук

Созидание будущего

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации
Выпуск №5 (80) сентябрь-октябрь 2016

Александр Неклесса

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия

www.intelros.ru

МОСКВА 2016

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации (Рабочие материалы). Вып. №5 (80) сентябрь-октябрь 2016

УДК 32(327) + 35(355) ББК 63.3 Ф 40 УДК 541:339.9.330.101

Александр Неклесса. Созидание будущего / Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Вып. №5 (80) сентябрь-октябрь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия 2016. – 20 с.

Расширенная версия выступления на рабочем совещании 29.09.2016. Сокращенные версии доклада опубликованы в «Независимой газете» 6.10.2016, 18.10.2016 и журнале «Стратегия России» №12, 2016.

Научное издание

Рабочие материалы издаются в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой при поддержке группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Издание носит некоммерческий характер.

© текст: Александр Неклесса, 2016

© фотография на обложке: Елизавета Неклесса, 2014

© оформление: ИНТЕЛПРОС, 2016

Серия «Д» – статьи и доклады руководителя Комиссии.

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации учреждена в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002).

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия

МОСКВА 2016

СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО

Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее,
будущее вдруг выступит само собою.

Николай Гоголь

Проблематика, которой я по преимуществу занимаюсь это будущее в широком смысле. Но мыслить будущее не значит пассивно представлять более-менее отдаленные по времени картины жизни, приходится, скорее, размышлять о сложной партитуре перемен, отыскивая в ней особые созвучия. Активное представление будущего – своего рода извилистая дорожная карта опознания и решения критических задач, возникающих при прохождении исторических развилок. Иначе говоря, занимающийся прогнозированием «футуролог» – это человек, который пристально вглядывается в настоящее.

Для творческого ума будущее – не хронометраж и не апгрейд событий, но пришествие в мир иного. Стратегическое планирование существенно отличается от оперативного: доминанта первого – контекст, результативность второго – текст. Tактические и стратегические цели порою противоречат друг другу, рефери тут – горизонт планирования. Будущее отрицает прошлое, проращивая множество экзотичных семян, как результат – с привычным порядком вещей происходят метаморфозы, конструктивные и деструктивные.

Жизнь – процесс, предполагающий модификацию правил и повышение ставок. Ускорения и неопределенности, запутанность социального времени обращают будущее в кипучий Клондайк, перспективную нишу, где следствия как совершенный итог формируют протагонистов, реализуя потенциал и превосходство креативных, венчурных персонажей над сложившимися организмами и обстоятельствами. Ситуация отчасти напоминает бывшее состязание небольших подвижных особей и медлительных гигантов... Критические условия, ускоряя время, сталкивая структуры и принципы организации, повышают риски. Трансформация мира нелинейна по природе и драматична по содержанию – по сути это не продвижение куда-то, а напряженное, несбалансированное изменение чего-то, взаимодействие с хаосом, мутация, преобразование. При этом «все разумное действительно» расширяется до «невероятное возможно».

Есть, однако, психологическая проблема. Будучи асимметричным и скачкообразным, преодолевая инволюции и рекурентности, процесс перемен реализуется не обязательно в жесткой хронологической последовательности – по крайней мере, не для всей планеты и популяции. Футур-история способна расщепляться на автономные локусы и разновекторные маршруты. Хроники глобального сообщества имеют пространственное выражение, мир не без химеричности: Амазония и Силиконовая долина расположены на одной планете. Причем со-бытиё разнородных социальных организмов в едином хронотопе, расширяя спектр рисков/возможностей, стимулирует не только коэволюционные инстинкты, продуктивные резонансы, технологическое развитие, но также цивилизационную коррупцию. Прошлое может быть не менее переменчивым и наступательным: мы склонны осмыслять новизну, пребывая в атмосфере ветхих эманаций, формулируя концепты по сделанным при других обстоятельствах лекалам. Тут могут возникать серьезные aberrации: предполагая созидать будущее, можно вопреки намерениям отстраивать очередную версию прошлого.

Рассуждения об архитектуре будущего – в рамках разговора о переменных – лет двадцать-тридцать тому были в России практической озадаченностью. Сейчас ситуация изменилась. Что же касается «мировой системы», ее предельный рубеж – грядущая сингулярность: новый формат личности и среды обитания (ценоза), предопределенные усложнением взаимодействий, их диверсификацией, дополненным статусом реальности.

Предчувствие будущего

Наш век уже не является обычной революционной эпохой; мы вступаем в новую фазу метаморфоз истории. Мир на пороге трансформации более драматичной по своим историческим и человеческим последствиям, чем даже те, которые были порождены французской или большевистской революциями.

Збигнев Бжезинский

Мир и Россия переживают кризис перехода, который стимулируется двумя факторами: во-первых, реальностью глобального массового общества, получившего доступ к достижениям современной цивилизации, а, во-вторых, революцией элит как класса и как личностей.

Мироустройство, сложившееся в эпоху Модернити, существенно меняется. Трансформируется система международных отношений, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура внешнеполитических организаций, все чаще проявляется результативная субъектность действующих по своим правилам слабо-формализованных игроков. Национальное государство утрачивает былую исключительность, сужается его возможность властного управления человеческими траекториями, сохраняя вместе с тем качества и блага суверенного правового сообщества.

В борьбе за будущее состязаются инновационные формы внешнеполитической организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, различного рода субсидиарные автономии, государства-корпорации и корпорации-государства, государства-организации, квазисуверенные государства, сепаратистские образования, экономические интегрии и политические ассоциации, влиятельные антропо-социальные сообщества – власть вне государственности: подвижные архипелаги, конституирующие de facto новый тип политорганизмов и систему мировых связей. Растут дисперсность мироустройства и трансграничная мобильность, мировой рынок обретает черты особого миропорядка, усложняется элитный зонтик как регулятор власти.

Происходит интенсификация новизны, скорость изменений сама по себе становится существенным фактором. Генеральный тренд – движение от систематизированного индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту креативного общества. Императивом века оказывается не наличие традиционных ресурсов, но технологическое и антропологическое продвижение, экономики ранжируются скорее в соответствии с индексом их сложности, а не в категориях ВВП и подобных нейтрально-количественных индикаторов состояния. Человечество обновляет инструментарий цивилизации, поскольку прежние технологии пробуксовывают как не вполне отвечающие новой действительности. Происходит смещение прогресса с сугубо научно-технического вектора развития via информационная волна (нейросеть) на социо-антропологический. Камертон новой повестки: сложный человек в сложном мире – акцент переносится на творческие и нейро-физические потенциалы плюс нелинейный образ реальности.

Сегодня мы наблюдаем, наверное, апогей массового общества, его глобальную манифестацию – трансформацию в подвижную совокупность деятельных индивидов, получивших доступ к эффективным инструментам, включая высокотехнологичные. Параллельно развивается революция элит. В мире утверждается влиятельный персонаж – *manterpriser*, человек-предприятие, в числе оных Илон Маск¹, Уоррен Баффет, Сергей Брин, Билл Гейтс, Стив Джобс и им подобные. Россия, фактически, состязается сегодня не с США, Европой или Китаем, а с обобщенным «Илоном Маском», но, кажется, это не вполне очевидно.

Что такое победа Дональда Трампа? Это пример персонализации новизны, политической и стилистической революции, яркий и резкий симптом перемен – в данном случае кризиса политической бюрократии США в том виде, в каком она существовала. Brexit – аналогичное, по сути, знамение социального транзита и кризиса бюрократической машины, но уже Европейского Союза.

Китай также ощутил ветер перемен и по-своему осознает императивы новой эпохи. Нынешнее руководство провозгласило программу построения гармоничного, креативного общества с высокими доходами, взяв курс на его реализацию к 2030 году.² КНР постепенно выдвигается и во внешний мир, обустроивает транспортно-логистические плацдармы в Африке, формирует ШОС в Евразии. ШОС – организация, служащая, судя по всему, инструментом для реализации в первую очередь китайских инфраструктурных проектов: в последнее время для обустройства «Нового шелкового пути», его железнодорожных артерий, соединивших страну с 18-тью европейскими странами, транзитных транспортных порталов, мультимодальных логистических центров. И параллельно – стратегически важных континентальных трубопроводов (китайцы по понятным причинам с недоверием относятся к морским маршрутам снабжения). Но сегодня Китай задумывается также о серьезном преобразовании систем управления, о формате власти и стратегии обновления в меняющейся реальности.

В конце 2015 года медиагруппой Caixin (财新传媒) близкой к китайскому руководству была опубликована примечательная статья «Реформа структуры, реформирующей систему, является самой важной» о трех уровнях реформирования: технологическом, системном и структурном (интересно, что именно в Китае об этом зашла речь). Суть ее примерно такова. Настоящее реформирование, имеющее целью результативную адаптацию к непростому, быстро меняющемуся миру – это не модернизация инструментов и технологий, и даже не перемены в правилах игры. Прежде всего – это изменение генеральной структуры, которая осуществляет

¹ Примером сегодняшних возможностей воздействия на социальную и техническую среду обитания частных корпораций может послужить космическая корпорация SpaceX (Space Exploration Technologies Corp.), принадлежащая Илону Маску. В ноябре 2016 года она подала заявку в Федеральную комиссию по связи США на создание орбитальной спутниковой сети для глобальной цифровой коммуникации. Компания собирается запустить 4 425 спутников, инвестируя совместно с Alphabet's Google Inc и Fidelity Investments не менее 10 млрд. долл. В результате реализации, проекта полагают в SpaceX, жители Земли смогут пользоваться беспроводным спутниковым интернетом на скорости до одного гигабита в секунду. «Эта система предназначена для предоставления широкого спектра услуг широкополосной связи и коммуникаций для индивидуальных, коммерческих, институциональных, правительственных и профессиональных пользователей во всем мире», - говорится в представленной документации. Аналогичные спутниковые интернет-сети находятся в стадии разработки частной OneWeb и Boeing Co. URL: <http://uk.reuters.com/article/us-space-spacex-idUKKBN13C085> (accessed 17.11.2016).

² Доклад Всемирного банка и Центра исследований развития Госсовета КНР: «China 2030: Building a Modern. Harmonious and Creative High Income Society». Conference Edition. – Washington. 2012.

управление, т.е. трансформация системы власти, иницирующей, проектирующей и воплощающей реформы, как основного инструмента достижения цели. Китайцы осознают значение перемен в практике, реализовав ритмично работающую систему смены высшего руководства. При этом они экономны и не особо стремятся создавать чрезмерно оригинальный продукт, «менять лыжню», предпочитая брать на рынке идей, проектов, технологий то, что представляется в данный момент наиболее эффективным (хотя и это может измениться). Выбранный на глобальном рынке продукт затем переосмысливается и адаптируется под национальную специфику: раньше это был марксистский протокол, сегодня Пекин присматривается к американскому опыту, т.е. к гибкой и сбалансированной системе власти, созданной отцами-основателями США.³

Операции с будущим

Мировой дух творит историю, пользуясь частными интересами.
Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Новизна обладает серьезными конкурентными преимуществами, которые нередко осложнены высоким уровнем риска. Рынок версий будущего, предлагая маршруты, оперирует расчетами и предположениями. Для прогнозирования действий в ситуации неопределенности критически важно различать признаки становления иного, отыскивая семена потенциально перспективных ситуаций и отраслей, прорастающие в современности. Секрет эффективной прозорливости, таким образом, – в текущем узреть настоящее, которое есть будущее в шелухе прошлого. Востребованной оказывается способность опознавать в ранге Нового света неочевидный, неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальную компетенцию Вия, способного в мире живых видеть недоступное рядовым призракам. Но сложности прогностики этим не ограничиваются.

Факт выше суждения, а тенденция выше факта: умение выделять из обыденного перспективное необходимо для воплощения запланированного, однако зазор между мыслительной венчурностью и подвижной действительностью – это клубок проблем и гнездо иллюзий. Интервенции иного в повседневность усложняют логику и обременяют логику «предприятия на полном ходу» (Герберт Уэллс), совершенствуя алгоритмы продвижения и защиты, не случайно возможная реальность обладает особой коннотацией – грядущее. Мы существуем в расщелине между перепрочтениями настоящего настоящего.

Невзирая на сопутствующие риски, искусство распоряжения будущим имеет долгую историю. Банки не одно столетие занимаются процентной и долговой колонизацией будущего, а финансовые корпорации продолжают экспериментировать с производными финансовыми инструментами, эксплуатируя время как пространство вероятностей. Риски неизвестности, между тем, не только обременение. При грамотном управлении они практически неистощимый ресурс: страховые предприятия давно освоили мастерство конвертации неприятных сюрпризов в прибыль и теперь тестируют

³ Вот ключевая на данную тему сентенция из статьи: «Структурная трансформация системы является первоочередной задачей. Если имеется превосходная структурная организация системного уровня, хорошая система будет произведена. А хорошая система будет порождать передовые технологии. Я думаю, именно поэтому Вашингтон, Джефферсон, Франклин и другие отцы-основатели Соединенных Штатов почитались последующими поколениями. Они создали превосходную структуру для системы». «Caixin: The Founding Fathers of the United States Created a Superior Structure for the System» URL: <http://chinascope.org/main/content/view/7640/106/> (accessed 24.02.2016). Китайский оригинал статьи - URL: <http://opinion.caixin.com/2015-12-31/100894693.html> (accessed 24.02.2016).

венчурные методы управления ими. А социальный транзит побуждает размышлять о комплексном страховании национальных и региональных рисков.

Операции с будущим присущи, конечно, не только инвестиционной, банковской или страховой деятельности. Сегодня речь, фактически, идет о системной организации перемен в соответствии с той или иной прописью обустройства, социополитической семантикой, образом жизни, характером потребления, инфраструктурными стандартами, условиями капиталовложений и кредитования. При освоении зыбких земель реализуются стратегии, которые воспроизводят, развивают и распространяют вовне заложенные в той или иной культуре содержание, ценности и целеполагание.

Модель самореализации и экспансии культурно-исторического типа – это сумма избранных концептов и практик, испытанных временем предпочтений и шаблонов, политических, экономических, культурных алгоритмов, конкурирующих подобно дизайнерским пакетам глобальных корпораций. Расширение среды обитания культурно-исторического генома – своего рода поступательное терраформирование, своеобразный франчайзинг будущего: экспансия культурного оверсайта, вбирающая и капитализирующая систему сложившихся взаимосвязей, протекций и других отношений. Пакетный подход к освоению подвижных ландшафтов интенсифицирует футур-дизайн (футур-формирование), воплощаемый в конкурентном поле социоформатов и бизнес-протоколов. Делегируя при этом территориальному или региональному мастер-франчайзи матрицы клонирования с определенными привилегиями и оговорками.⁴

Новая культура и среда, влияя на содержание развития и корректируя его траектории, также реплицирует себя, воспроизводя собственные оригинальные механизмы при одновременной трансляции системы льгот/ограничений на языки социокультурных ареалов, т.е. по-своему франшизируя мир. Невоплощенные альтернативы, генетика и фрагменты неизвестных культур совокупно конкурируют в полифоничном социокосмосе с уже прописанными в истории и лишь зарождающимися ее персонажами, заметно усложняя эмерджентную картографию цивилизации.

Будущее проектируется в местах, где переплетаются продуцирующие действие нервы мира – живые нити земных судеб. Оттуда инновационная инфлюэнца распространяется по планете, обретается партнерами, соучаствующими в производстве, но не иницирующими его; потребителями, которые усваивают прописанную им версию; и, наконец, теми, кого история вытесняет на пепелище, отчуждая от будущего. Агентство 2thinknow Innovation Centre Cities регулярно публикует рейтинг (global index) инновационного потенциала городов планеты – источников маршрутов и лекал будущего, подразделяя их на 5 классов: *сплетения* (nexus), *хабы* (hub), *узлы* (nod), *продвинутые* (advanced), *стартапы* (upstarter). В сущности, это классификация городов по степени их проникновения в грядущее и обратного влияния на окружающий мир. Последний по времени индекс так представляет десятку лидеров: Лондон, Сан-Франциско/Сан-Хосе, Вена, Бостон, Сеул, Нью-Йорк, Амстердам, Сингапур, Париж, Токио.⁵

Спонтанное проникновение в будущее, сталкиваясь с конкуренцией аранжированных композиций, оказывается затруднительным. Время становится

⁴ Подробнее см.: А.И. Неклесса Франчайзинг будущего. – Buybrand Inform. 2016. №6, С. 68-69.

⁵ Innovation Cities™ Index 2015: Global. URL: <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-2015-global/9609> (accessed 12.08.2016).

базовым стратегическим ресурсом, начинает перераспределяться, обустроиваться, доминировать над сжимающимся (эффект развития физических/виртуальных коммуникаций) пространством, повышая свой социальный вес и обретая сложную геометрию.

Война, которая не-война

Война стала роскошью, которую могут себе позволить лишь малые нации.

Ханна Арендт

Системы разной степени сложности подчиняются несовпадающим законам, политическая, экономическая, военная теория/практика индустриального толка сейчас активно корректируются. В черновиках повседневности прописываются строки, весьма отличные от стереотипов, в результате рождаются нетривиальные комбинации событий, а структуры повседневности предстают в непривычном виде.

Возьмем, к примеру, внешнюю политику Вашингтона, развивавшуюся в русле доктрины Обамы. Америка вплотную приблизилась к базовой ресурсной независимости, определяемой энергоресурсами, по крайней мере, в рамке континента, что стимулирует снижение военно-полицейской активности. Особенно, когда та или иная заморская ситуация не представляет непосредственной угрозы национальной безопасности США. 44-ый американский президент на первое место в списке угроз ставил климатическую проблему, другие нестроения в экологии, затем в этом реестре шли терроризм, ИГИЛ, а также КНДР вкупе с иными азиатско-тихоокеанские нестроениями и озабоченность будущностью Китая. Сирия же, Ирак, Афганистан, Украина – расценивались, скорее, как избыточные обременения, военного вовлечения в которые Белый дом хотел бы избежать, резко сокращая численность вовлеченных войск и отходя от практики интервенций.⁶ В результате, несмотря на разрастание списка горячих точек, военный бюджет Соединенных Штатов за годы президентства Барака Обамы сократился на более чем 100 миллиардов долларов, что, конечно, создало проблемы.

Впечатляет нынешняя популярность китайских исторических и военных трактатов, в которых постулируется, что воевать на поле боя – дело неудачников в политике и стратегии, а сугубо милитаристское целеполагание, связанное с обретением территориального контроля, рассматривается как обуза, выкачивающая ресурсы и ограничивающая свободу действий. Происходит переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции, и как результат – уклонение от физического овладения территорией, прямого боевого столкновения. Примером территориально-властного мышления стала Крымская операция, спланированная и реализованная в геополитических категориях, в то время как международно-правовая, геоэкономическая, геокультурная проблематика, другие отложенные эффекты остались на периферии внимания, осложняя каждый последующий шаг. Клаузевиц, кстати, хорошо понимал, что в войне речь идет, главным образом, об эффективной кризисной реконструкции, в своей основе это проецирование воли, имеющее целью установление иного порядка.

Состояние мира между тем порождает сомнения: так ли перспективна политика универсальной пассивации? Что если семьдесят послевоенных лет окажутся – при всех коллизиях, включая холодную войну, – своеобразной большой паузой, антрактом перед

⁶ Niall Ferguson. Barack Obama's Revolution in Foreign Policy. – The Atlantic. 2016. March 13. <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-doctrine-revolution/473481/> (accessed 12.04.2016).

очередным зигзагом истории? Действительно, в последнее время военная тема обретает второе дыхание, вот только ее характеристики претерпевают заметную модификацию.⁷

По своей сути война – разрушительное усилие, сумма действий, решительно опровергающих сложившиеся обстоятельства, институализация механизмов борьбы и агрессии. Однако военная машина – это мощь, способная воздействовать на обстоятельства, не только извергая огонь и железо, но и отбрасывая влиятельную тень. В постсовременной среде меняется сам язык войны, растет значение мастерства в создании ситуаций «превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации» противником.⁸ Стремление к нанесению разрушений и потерь замещается захватом стратегической инициативы, фрустрацией противника, его моральным сокрушением, организацией замешательства в кругу лиц принимающих решения, подавлением воли и подведением к принятию критически неверных решений.

Война является искусством, сопряженным с широким спектром возможностей и рисков. Нынешнее умножение возможностей создает пугающее разнообразие рисков, модифицируя и усложняя характер войсковых, иррегулярных и небоевых военных операций. Об усложнении композиций военного искусства свидетельствует развитие профессионального языка. В военную теорию проникают такие понятия, как «проактивность», «неопределенность», «комплексность». Речь идет об активной разведке будущего, тенденциях его поступательного контроля и деятельного освоения. Анализируются отдаленные и гипотетичные обстоятельства, определяются пути преадаптации, средства купирования тех кризисов, которые еще не произошли. Сценарная проработка конфликтов в стилистике многозначности сопровождается превентивными акциями по искоренению опознанных угроз на стадии зачатия. Еще одна актуальная категория – преэмптивность, корень слова – «пустота», т.е. имеется в виду выявление и заполнение релевантных ниш, которые противник не видит.

Внимание уделяется опережающим разработкам, адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской, включая информационные и высокие гуманитарные технологии – high hume. К процессу привлекаются различного рода частные предприятия, интеллектуальные корпорации, венчурные организмы, опознаются и апробируются средства господства, выходящие за рамки привычных боевых регламентов. Расширился диапазон противоборства: к ареалам суши, моря, воздуха, космоса добавилось киберпространство, в процессе становления – социо-психологический домен. В сложившемся глобальном контексте технические средства решают задачи универсального контроля над возникающими обстоятельствами и предполагаемыми ситуациями.

Спроектирована и воплощается система механизмов/технологий, создающая перманентно обновляемые и обрабатываемые посредством нейросетей массивы данных, реализуя универсальную транспарентность: глобальный физический мониторинг (planetary skin) и программирование взаимопроникающих виртуальных пространств (pervasive computing) – совокупность, лежащая в основе контроля текущих процессов и активного представления будущего.

⁷ Подробнее см.: А.И. Неклесса, Н.Ю. Ютанов. Война в сложном мире. Деструкция и порядок. – Стратегия России. 2016, № 10. С.35-50.

⁸ Подробнее см. Win in a Complex World. The US Army Operating Concept 2020 – 2040 (TRADOC Pamphlet 525-3-1). 31 Oct. 2014.

Работа интеллектуальных (активно-адаптивных) навигационных структур с дополнительными функциями сопрягается с геопропространственной разведкой (geospatial intelligence) способной к широкому охвату целей и непрерывному их отслеживанию. Система включает совокупность информационных структур (global information grids), обеспечивающих комплексное наблюдение за почвой, атмосферой, промышленными выбросами, электропотреблением, геологическими и климатическими процессами, инженерными, технологическими, финансовыми, социальными, антропологическими ситуациями при помощи спутниковых и наземных систем наблюдения, включая данные радиочастотных идентификаторов и несоразмерных датчиков.

Еще один пункт актуальной повестки, влияющий на характер силовых акций и состояние гражданского мира – экспансия трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого «управления дикостью» (*undernet*), что повышает адаптивность и эволюционные возможности. Причем тему истишхадии или ингимасии как антропологического оружия вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления, корни феномена глубже, а перспективы шире. Помимо неопределенной субъектности и прокси-конструкций это может быть, к примеру, атомизированный суицидальный терроризм, не имеющий прямого отношения ни к одной из идеологических или конфессиональных доктрин, будучи симптомом универсальной актуализации культуры смерти.⁹ Квази-ислам вероятно инициирует более опасные формы агрессии по отношению к современному обществу и цивилизации, колонизируя земли, где конфессиональные или социальные мотивы замещаются психологической доминантой.

Происходит модификация среды, уязвимой оказывается сама концептуалистика открытого общества, его суверенность, архитектура институтов, весь обширный инструментарий эпохи. Расширение военной/паравоенной проблематики предполагает изменения взгляда на войну как спланированное и централизованно управляемое действие, императивность различения тенденций социализации и персонализации, жертвенности и ярости, насилия и усилия, воплощаемых действием, словом, мыслью.

Феноменология активного действия, включая военные практики, преобразуется и переосмысливается. Дело не просто в распространении иррегулярного формата военных операций, комплексный мир интегрирует то, что ранее было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное развитие и групповое взаимодействие сливаются в единый континуум. Война обретает более широкий, нежели милитарный смысл, причем процесс можно толковать двояко: как силовую экспансию, т.е. широкое и устойчивое использование гражданских практик в качестве оружия («небоевые военные

⁹ «...<культура смерти> распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом, возникает "заговор против жизни". Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами» (см. Иоанн Павел II. *Evangelium Vitae*. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни. 1995.03.25. URL: <http://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/126-evangelium-vitae>. (accessed 12.04.2016).

операции»); или же как специфическую пасификацию, при которой военные действия, растворяясь в гражданских практиках, по-своему ослабляются, социализируются и гуманизируются. Проблема скорее в проецируемой позиции и удержания либо утрате морального императива.

Перманентная революция

Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей.

Роберт Музиль

Глобальная трансформация, стартовавшая на исходе прошлого века, радикальным образом обновляет механизмы цивилизации: редактирует секулярные прописи Просвещения, социополитические регламенты Модернити, переписывает реестры востребованных эпохой компетенций. Изменение ментальности инициируется конкуренцией, использующей эволюционные стимулы и предъявляющей миру динамичный горизонт. Планирование становится все более сложным и гибким искусством, связанным со становлением неравновесного, многослойного общества с непростой суммой возможностей и рисков. Целостность оказывается результатом суммы взаимодействий и непрерывного продвижения к цели, ее постижения.¹⁰

Развитие как становление иной реальности концентрируется и проявляется в культурных/антропологических результатах. Если «будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено» (Уильям Гибсон), то из обитателей количественного индустриализма люди в персональном статусе мигрируют в неосуществленный до времени мир, где категория количества утрачивает былое значение, уступая первенство качеству среды и уникальности личности, что является критерием перемен (т.е. преобразование особей влечет эволюцию сообщества).

Примерный аналог – генетическая мутация в биологическом организме, когда на кромке перехода единичное событие как немотивированная закономерность в принципе способно преобразить и преобразовать систему. Социальная аппликация алгоритма – формирование в теле политорганισμού иного сообщества – контробщества, обладающего интеллектуальным и моральным превосходством.

Дело, по-видимому, вот в чем: социосистема сложна по самой антропологической природе, поэтому как любой био(социо)ценоз чревата взрывчатыми фазовыми переходами. Иначе говоря, стратегирование должно быть диалогично и диалектично, причем с привкусом негативной диалектики, а не монологично и нормативно, т.е. реформы, чтобы выдержать испытание будущим, предполагают полифоничный диалог и присутствие критического класса.

Эффективность развития сопряжена с пониманием исторического и актуального контекста, наличием концептуальной разведки, механизмов самоорганизации и адаптивности, капитализацией неявного знания, жизнеспособностью, варибельностью, а не просто с целеполаганием, управлением и контролем.

¹⁰ «Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула "видит" только своих непосредственных соседей и "общается" только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы "видит" всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает». Илья Пригожин. Философия нестабильности. – Вопросы философии. 1991. №6. С.46-57.

Речь идет не просто о методах и технологиях. Мы оперируем понятием «сложность», но, боюсь, как бы не возникла аберрация в восприятии данной категории. Сложная антропологическая система – это не запутанный блужданиями в дурной бесконечности лабиринт и не свалка неразобранных проблем и событий, а весьма специфичная динамическая организация, управляемая за счет познания/признания непростых, неочевидных, странных закономерностей бытия. Ее отличительные свойства: фактор неопределенности, видовое разнообразие (закон Эшби), способность к обильному производству разноречивой информации, перманентному транзиту, самоусложнению и самоорганизации. (Протейную природу подобных структур недавно зримо продемонстрировали эксперименты с плазмой в космосе). Если сложность и предстает перед нами как хаос, то это беременный хаос, в подвижных очертаниях которого присутствует иной, нежели ранее известный порядок. Со времен Луи де Бройля, Гейзенберга, Шредингера, а затем Эдварда Лоренца, Ильи Пригожина, Бенуа Мандельбро проблематика неопределенности и комплексности стала одним из генеральных направлений исследований. Правда, возникает вопрос о соотношении реалий и метафор.

Будущее со-существует с настоящим и прошлым, выплескиваясь из подспудных либо небесных глубин. Сегодня мы живем в потоке галолирующих перемен с возрастанием ставок – даже не бифуркаций, а полифуркаций, представляем же транзит как тот самый апгрейд: движение по согласованному маршруту из пункта А в некий конечный пункт Б. Иначе говоря, пребываем в ожидании результирующей стабильности, мыслимой на практике как статичность, т.е. в своих представлениях и предпочтениях склоняемся, фактически, к карнавализации застоя.

Примерно так в СССР и представляли коммунизм, хотя сам Маркс все же определял его иначе: не как состояние, а как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние». ¹¹

Перманентная контрреволюция

Мы не мыслители... Мы делаем вещи.
Мы не теоретизируем, мы создаем. Мы мастера на все руки.
Стивен Кинг

Мир сложнее представлений о нем, многое является иным, чем представляется – это презумпция жизни над идеей. XXI век рождает уходящие в неизвестность сценарии, упрощение которых чревато синкопами и коллизиями. Успех планирования связан не только с оптимальностью изменчивого маршрута, но также с акаузальным и ценностным

¹¹ «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т.3, 1955. С.34). Марксизм в СССР декларировали и представляли весьма превратно. Например, под видом марксистского постулата бытовало воспевание труда («человек труда», «владыкой мира будет труд» и т.п.) при ясно сформулированном отношении основоположника (в той же цитированной выше «Немецкой идеологии») к данному предмету: «...коммунистическая революция <...> устраняет труд» (там же, С.70). Причем Маркс пояснял, что дело тут именно не в «освобождении труда», а в освобождении человека от труда: «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» (там же, С.192). «Если коммунизм хочет уничтожить как заботу бюргера, так и нужду пролетария, он ведь не сможет, само собой разумеется, сделать это, не уничтожив причину той или другой, т.е. не уничтожив труд» (там же, С.207). Футурология Маркса, его прозорливость, касавшаяся будущей проблематики, заметно превосходила не только качество его экономических штудий, но и феноменологию политологической/политической доктрины.

статусом генеральной цели. Тут приходит на ум одно высказывание Андрея Колмогорова: «Не ищите там теорем. Их нет. Я ничего не умею выводить из исходных для этой теории уравнений Навье–Стокса. Мои результаты об их решениях не доказаны, а верны – что гораздо важнее всех доказательств», – хотя на сегодняшний день это звучит, пожалуй, чересчур экзотично.

Интеллектуальное и моральное банкротство влекут поражение. Человеческий интеллект способен преодолевать шаблоны сознания, вскрывая неоднозначность того, что представляется простым и очевидным, постигая умом комплексный характер реальности, физической и социальной, которая прямо зависит от позиции соучастников-наблюдателей. Процесс подобен подстриганию английского газона, он требует совмещения профессионального опыта и персонального мастерства, но также – подлинности в промышленности оснований и непредвзятости в размышлениях о сущности естества.

Прежняя система пытается репрессивно контролировать, порою прямо подавлять развивающуюся, самоорганизующуюся сложность. Вместе с тем прошлое может являться активным и даже назойливым агентом перемен.

Критически важно отличать актуальную повестку от ложной. Продвижение России в будущее, декларированное ранее в категориях утопизма, в последнее, но вполне продолжительное время мыслится как обустройство улучшенной версии настоящего. Иначе говоря, в русле упрощенной модели развития – аморфно-позитивистских (механистичных) представлений о стабильности и попыток апгрейда в стилистике индустриально-экономических реформ. Настораживало же и отрезвляло умножение симптомов неорхаизации.

Пример редукции целеполагания – сугубо экономистичный подход к исчислению развития, причем преимущественно на основе плоских показателей, наподобие ВВП. Но развитие страны/народа не сводимо к экономике, да и ее достижений лишь к росту ВВП. Страна – не финансово-ориентированная корпорация, а экономика в своих институциональных проявлениях и реализованной полноте – производное от состояния общества.

С российским ВВП вообще забавно/печально выходит. Люди при относительно небольших затратах, недавно публично анонсированных, извлекают из земли, что в ней находится (историческая дилемма «присвоение» vs. «производство»). Получается же, будто они это измыслили-изготовили, что лишний раз подтверждает – ВВП (тем более отягощенный определенной лукавостью ППС) несовершенный инструмент для оценки развития. Экономика высокого уровня, находящаяся на пике конкурентной пирамиды, *субъектная экономика*, определяется, прежде всего, качественными характеристиками, а не усредненно-количественными показателями. Она доминирует в производстве/экспорте сложной продукции, чревата инновациями, открывающими/закрывающими технологиями, мультипликативными эффектами, включая социальные вплоть до экспансии того же универсального франчайзинга. Это продукт сообщества с заметно иным аттрактором, мира, адаптированного к комплексной деятельности, обладающего актуализированным человеческим, интеллектуальным, культурным капиталом, впечатляющим технологическим, профессиональным разнообразием, динамичным личным и социальным творчеством, соответствующей инфраструктурой.

Все же не экономика сама по себе есть главная цель развития. Экономика – манифестация конструктивной энергетики общества, но оставаясь инструментом, она

отражает достигнутый уровень власти над природой и житейскими обстоятельствами. Однако и в хозяйственных метаморфозах виден генеральный вектор перемен – ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных. А вот тут у России как раз проблема.

Экономическое развитие – составная часть культурной революции. Транзит от индустриализма *modernity* к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в РФ. Страна, как и ряд других сообществ, оказалась в полосе отчуждения от вызовов постсовременности и, судя по всему, пребывает в интеллектуальной и социальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомину от непростого искусства управления в комплексной среде: они, в целом, не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или иными отчетливыми моральными качествами, их карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования сами по себе чреваты негативными следствиями: постиндустриальной контрреволюцией, тягой к упрощению обстоятельств, деградацией культурного капитала, профанацией и утратой идеалов.

Сейчас отношения, как правило, превалируют над содержанием, а доминирующими ценностями становятся денежный доход и авторитетная чиновничья позиция. В последнем случае, пребывая в геделевской ловушке, потенциальный субъект перемен будет в той или иной степени имитировать, а не эмитировать будущее, поскольку на деле он стремится удержать (а по мере возможностей и улучшить) ситуацию, сопряженную с преимуществами собственной позиции, фактически продлевая *status quo*. Сегодня даже те, кто в российской политике пытаются заниматься реформами, находятся в этой ловушке.

Так или иначе, это состояние будет преодолеваться, практически все ситуации транзитны. Вопрос, как правило, не в том, имеется ли решение, вопрос в его цене, характере и последствиях. Пока же Россия очарована политической логикой и методами XIX – первой половины XX века. Но воевать «против кого-то» – ментальность рефлекторного типа, в то время как настоящая проблема – проникновение в будущее и его эффективное освоение.

Время все чаще стимулирует относиться к сложившимся обстоятельствам как транзитной категории.

Реконструкция России

Будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем, и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые.

Александр Радищев

Страна – это не территория и не государство, которое есть инструмент управления. Это совокупность людей, т.е. нация, «сообщество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер» (Отто Бауэр), *res publica*. Судьбоносные реформы (созидание будущего) могут реализовываться усилиями элит либо авторитарной власти, способных осуществить системную трансформацию/реконструкцию власти/смену госаппарата. При этом, однако, критически важна совокупная воля к успеху и переменам – полнота национального консенсуса, умело сопряженного с ценностями общества и целями страны, а не интересами отдельных групп. Первоочередная же задача государства –

защита граждан, обеспечение их внутренней и внешней безопасности, т.е. поддержание оптимальных/достойных условий жизни и деятельности.

Основным национальным капиталом является не совокупность собранных территорий, а качество людей, населяющих страну, образно говоря, не площадь неба, но сумма звезд. Грамотная реструктуризация системы распоряжения властью – ключевое условие успеха, и долг национальной элиты – создание умной прописи этой важнейшей реконструкции. От качества исполнения задачи, от того как промыслен, формализован и функционирует общественный договор – т.е. кем и по какой процедуре реализуется продвижение в будущее – зависит возводятся ли здания на скале или же на песке.

Реконструкция России так или иначе неизбежна. Есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. Сейчас прошла рябь кадровых изменений. Грядет волна, связанная со спецификой очередных реформ, которые изберут к добру или худу. На что в первую очередь следовало бы обратить внимание? Назову несколько позиций, относящихся к внутривнутриполитической сфере.

Первое и, возможно, основное – кризис сложившейся системы власти: неконкурентоспособность в динамичном многослойном мире ригидных структур и охранительных механизмов, основанных на механистичных представлениях о социуме, патернализме и авторитаризме, хотя Россия и предрасположена к патернализму в силу культурной неформальности. Императивом является трансформация деятельной среды, нацеленная, пока это возможно, на декриминализацию госаппарата, изменение отношения к человеку, соборное разнообразие, конкурентную и синергичную эволюцию, диалектическое взаимодействие и сопряжение с кодами практики, порождающей сложные (sophisticated) ситуации, уникальные инструменты, оригинальные продукты, опережающие услуги и компетенции. Основание и приоритет подобных эффективных социоструктур – человек как сложноорганизованная личность, его культурный, интеллектуальный, метафизический кругозор.

О ревизии генеральной структуры управления упоминалось выше, эта проблема многоаспектна, включая региональный и этно-национальный аспекты. Необходимо устранять барьеры, препятствующие самоорганизации, стимулируя социальные а не коррупционные инстинкты. Гражданское общество должно не просто контролировать государство, но доминировать над ним. Формула успеха – гражданское самосознание и самостояние, естественность перехода персональной позиции и личного творчества в социализированный, политический результат, в противном случае траектория человеческих усилий перенаправляется в сферу деструктивных практик.

Русская геоэкономическая/геокультурная доминанта амбивалентна, ее козырь – креативность в широком смысле: идеи, инакости, открытия, инсайты, образы, импульсы, мемы... В новом мире субстанция творчества – востребованный продукт, однако и своеобразный джокер, идеи правят миром сами по себе. Будучи фрустрированной, русская социокультурная суперпозиция не просто принижает статус земных изделий и формальных долженствований, но начинает производить различные версии нигилизма.

Более чем актуальна для Российской Федерации проблема опошления бытия – инволюции культурного и этического стандарта, моральной коррупции, умножения личностных деформаций, симулякров, утраты смыслов, вытеснения подлинности.¹²

¹² «...вещи сами по себе не пошлы; но одноимённые им содержания, воспринимаемые и разумеемые людьми, могут быть совершенно пошлыми. Пошлость вносится в мир духовно-скупными и религиозно-

Общество нуждается в моральной, интеллектуальной и культурной реабилитации, реституции человеческих качеств. В калейдоскопичной вселенной удержанные и обретенные ценности являются ядром социокультурной гравитации, а целостность – результатом продвижения к цели, ее перманентного постижения.¹³

Культура – не только литература, живопись, музыка или театр. Предметное поле намного шире, если обойтись одним словом – это цивилизованность. Именно ее следует удерживать, предъявлять, транслировать, для чего необходимо преодолевать невежество и ничтожество, восстанавливая интегративность, отдавая должное этосу чести, пафосу благородства, используя соответствующую риторику (вместо нынешнего унижения речи), прозревая/осуществляя будущее сквозь пелену времен и паутину конъюнктуры. Диссоциирующее, не обладающее социокультурной легитимацией расслоение, сопровождаемое деградацией «среднего класса» и разложением интеллигенции, плоско-декоративный характер культурных клише при дефиците реальных держателей планки стимулируют аномизацию и редуцируют профессиональные компетенции.

Не менее критическая сфера – интеллектуальный хай-тек и хай-хьюм. В России ощутим гуманитарный провал, кризис личностного/профессионального роста, дефицит навыков рафинированного, философичного дискурса, равно как и среды соответствующего класса. Публицистичность различного толка замещает дисциплинированное рассуждение, а некомпетентная метафоричность искажает категориальный аппарат.

Следует отстраивать систему перманентного образования, имея целью не просто освобождение от невежества, но формирование высокоорганизованной и самоорганизующейся личности, способной эффективно развиваться/действовать в сложном мире. Умение опознавать невидимые миру горизонты в значительной мере определяется привычкой субъекта к самостоятельной деятельной рефлексии и диалектичному анализу ситуаций.

Необходима глубокая модификация здравоохранения, реконструкция нынешней страховой системы, приоритетное финансирование медицинской инфраструктуры (к примеру, за счет профессионального спорта). Причем под здравоохранением я понимаю не просто медицину как таковую, сколько критичность категории здоровья, целостность физического и эмоционального статуса, проблему российской врачебной этики и квалификации, компенсацию высокого уровня стресса у населения.

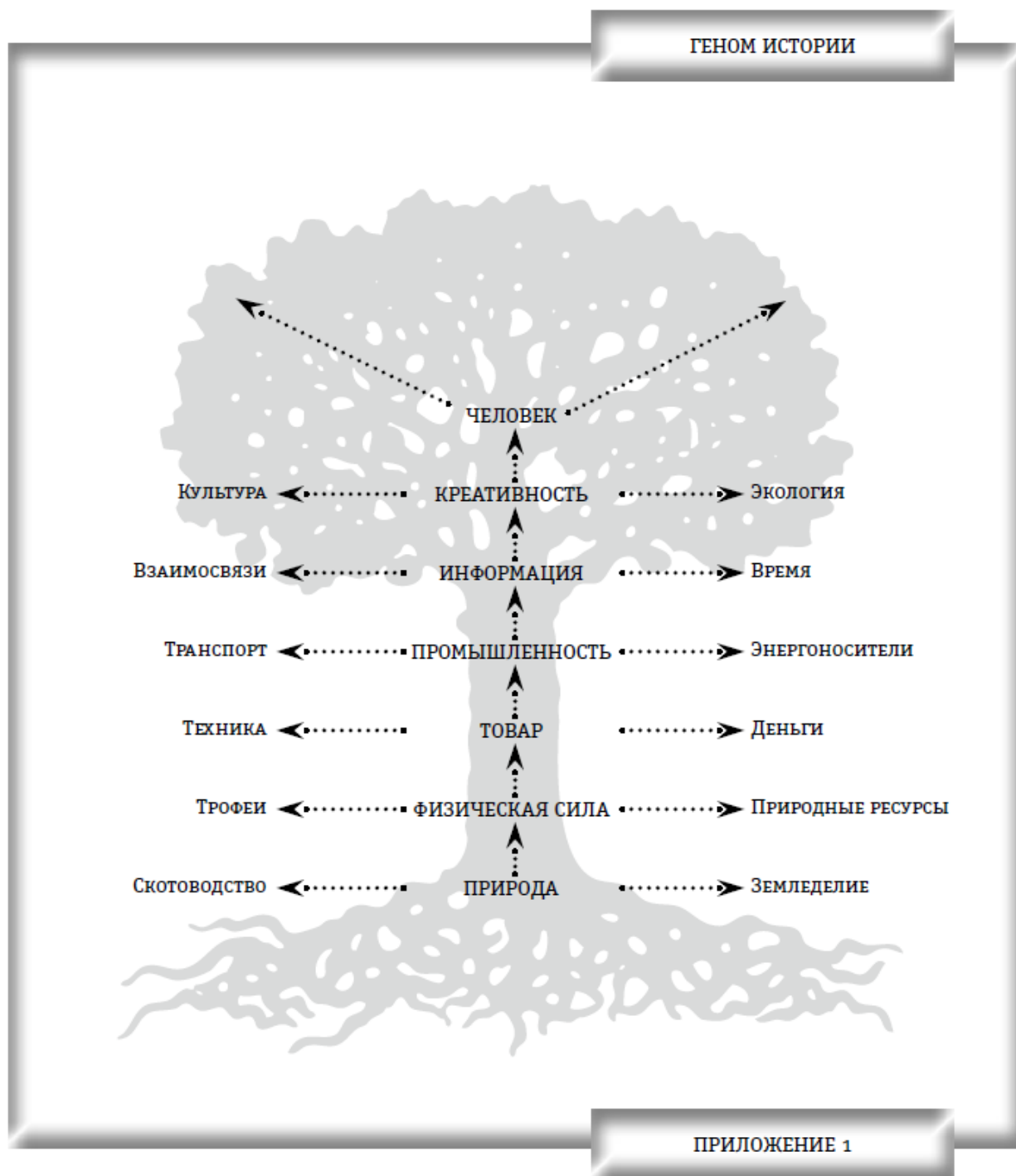
Еще одна актуальная тема – отсутствие профессиональных механизмов долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования, неразличимость вероятного, а не желаемого образа будущего, императив его активного представления, формирования комплексной и реалистичной «дорожной карты» - модели национального обустройства и продвижения в динамичной среде.

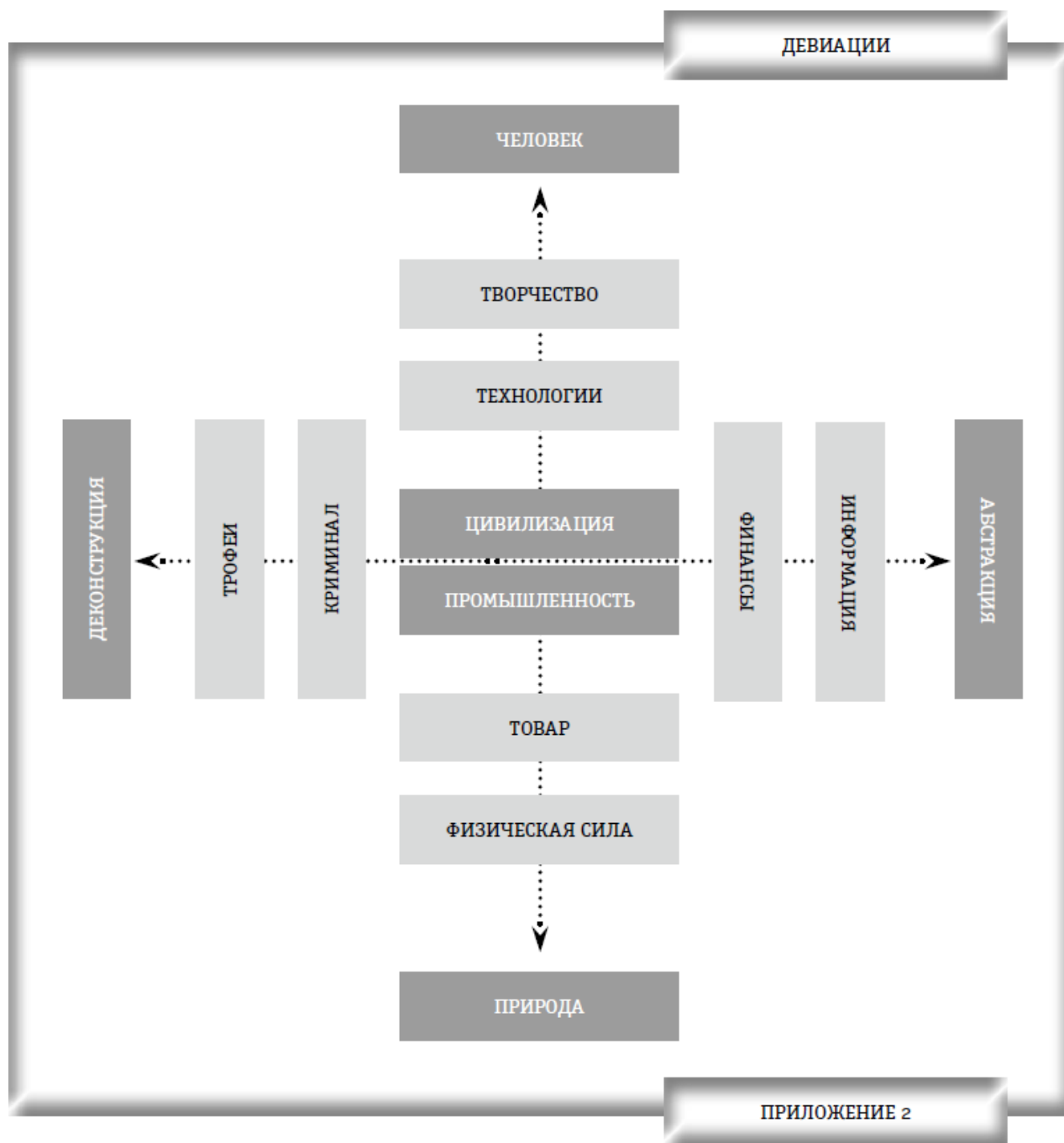
Отдельным пунктом я бы обратил внимание на состояние российской судебной системы и особенно – судейского корпуса...

мёртвыми людьми. Для того чтобы она появилась, нужен чей-нибудь субъективный, человеческий, духовно-немогущий, религиозно-мёртвый акт, который, обращаясь к непошлому предмету, видел бы в нем и разумел бы в нем пошлое содержание». И.А. Ильин. «Аксиомы религиозного опыта» (1953). URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/255> (accessed 14.05.2016).

¹³ Фридрих Вильгельм III (дед российского царя-реформатора Александра II), затеяв после поражения в войне с Францией большие прусские реформы, следующим образом сформулировал свое credo: «Государство должно заместить духовной силой то, что оно потеряло в физической».

Вряд ли в одной статье можно подробно перечислить, тем более прописать все необходимое для коррекции нынешнего положения вещей, разве что указать на отдельные пульсирующие точки. Кризис перехода между тем напоминает ситуацию «витязя на распутье», когда заминка с выбором направления сама по себе является своеобразным выбором.

Ключевые слова: будущее, прогнозирование, сложность, трансформация, постсовременность, Россия.

Для цитирования: Неклесса А.И. 2016. Созидание будущего // Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. №5 (80) сентябрь-октябрь – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия – 20 с.

Адрес для корреспонденции: Александр Неклесса, Лаборатория «Север–Юг», Институт Африки РАН; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1; neklessa@intelros.ru,

Key words: future, forecasting, complexity, transformation, preadaptation, post-modernity, Russia.

For citation: Alexander Neklessa. 2016. Future-work // Bulletin of the Commission for Social & Cultural Problems of Globalization under Presidium of Russian Academy of Science. #5 (80), September-October. – Moscow: INTELROS–Intellectual Russia. – 20 pp.

Address: 123001, Laboratory North-South, Institute for African Studies, Spiridonovka 30/1, Moscow, Russia.

План семинаров «НЕКСУС» (ИНТЕЛРОС–2016):

1. СЛОЖНОСТЬ. Сложный человек в сложном мире – *январь*
2. СИНГУЛЯРНОСТЬ. Инакость. Rite of Passage – *февраль*
3. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. Общество программ – *март*
4. ТРАНСФИНИТНАЯ ЭКОНОМИКА (числовой ряд как ЦБ, криптовалюты, идеология блока транзакций, n-мерные деривативы, универсальное страхование, неотчуждаемые активы) – *апрель*
5. СУММА ЗНАНИЙ. Тетраматрица знания, новые образы знания (органистическое, неотчуждаемое, нерациональное, личное) – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
6. ФОРМЫ СОЗНАНИЯ. Разнообразие видов интеллекта, эволюция сознания, человеческие качества – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
7. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА. Эволюция сознания, Неординарные и искусственные способности, уникальные компетенции, психофизическое, химическое и генетическое модулирование – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
8. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ и его актуальные формы (форсайт, букмекер-прогнозирование, транзакционное, генетическое, эволюционное, тетраматричное, эмерджентное как «возникающее свойство») – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
9. ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ/ПАЙДЕЙЯ (ЛИК): форматы образования и развития, типология элит (личность/интеллект/культура). – *сентябрь*
10. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ-ДЕЙСТВИЯ-УПРАВЛЕНИЯ (с акцентом на методы косвенного управления); матричное, рефлексивное, точечное, рефлекторное, SOC, синергийное управление, неклассический оператор (переход от поведенческих аттракторов к ценностным) – *октябрь*
11. МИР КАК СУММА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ. Soft state, liquid state, post-state, геоэкономический атлас, антропо-социальные структуры (видовое разнообразие мироустройства, смена социоценоза) – *ноябрь*
12. ПОСТСОВРЕМЕННАЯ/ГИБРИДНАЯ ВОЙНА в понимании: иррегулярная, распределенная, холодная, комплексная, сложная, синкретичная, универсальная, десекулярная, персональная, метафизическая. Агрессия, защита, усмирение. Усилие и насилие – *декабрь*

Сокращенные версии отдельных материалов Комиссии в 2016 году публиковались в журнале «Стратегия России»:

- Александр Неклесса. Созидание будущего. – Стратегия России. 2016. №12.
- Александр Неклесса, Николай Ютанов. Война в сложном мире. Деструкция и порядок (интервью). – Стратегия России. 2016. №10.
- Александр Неклесса. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом. – Стратегия России. 2016. №8.
- Александр Неклесса. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом. – Стратегия России. 2016. №7.
- Александр Неклесса. Смысл слов: государство, безопасность, война и вооруженные силы. – Стратегия России. 2016. №6.
- Антон Ильин, Александр Неклесса. Русская идентичность. Дорога жизни (интервью). – Стратегия России. 2016. №1.

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН), член Научного совета по религиозно-социальным исследованиям Отделения общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного

редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Руководитель междисциплинарного семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета Оборона РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015-2016), ИНТЕЛПРОС (2003-2016).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru

И 975. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002). Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 1,85. 18.11.2016.